

УДК 821.161.1.09 “1917/1991”

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИННИК

доктор философских наук, профессор кафедры философии
и социально-экономических дисциплин Карельской госу-
дарственной педагогической академии

Рец. на кн.: Сойни Е. Г. Финляндия в литературном и художественном наследии русского авангарда / Е. Г. Сойни; Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН. – М.: Наука, 2009. – 223 с.

В этом году отмечалось 300 лет со дня Полтавской битвы. Присоединение Финляндии к России – инерция тогдашней победы. Сегодня за рубежом оказались и Полтава, и Суоми. Получается так, что в конечном итоге Карл XII взял реванш над Петром I – Запад вплотную придвинул к нам свои границы, существенно сузив окно, пробитое в его пространство русским императором. Ностальгия по прошлому законна. Есть нота этой ностальгии и в чудесной книге Е. Г. Сойни, где целостно воссоздается взаимодействие культур России и Финляндии в те годы, когда они были одним государством. Автократия включала в себя демократию: финский сейм – внутри имперской структуры. Однако симбиоз Финляндии и России поражает своей органичностью. Пусть он оказался преходящим, но навеянное им поле ощущалось долго.

В книге Е. Г. Сойни выявлены культурные следствия удивительного симбиоза. Данное явление в биологии предполагает очень тесное взаимодействие партнеров при сохранении их индивидуальности и самобытности. Это мы видим и в нашем случае. Границу между Финляндией и Россией, сохранявшуюся и в имперское время, можно сравнить с осью зеркальной симметрии: с двух сторон – обоюдно – открывается остраненное зазеркалье. Переход подобных границ в философии называется *трансцендированием*. Можно сказать так: две культуры транс-

цендировали в направлении друг друга – именно об этом и рассказывается в исследовании Е. Г. Сойни. Она пишет о *карелианистах*, устремлявшихся к местам, где записывались руны «Калевалы»: «Для путешественников был важен сам переход границы, как переход в идеализируемый мир» (с. 15). Этот переход, формально вполне простой, обретал мистериальные черты. Взаимно и с русской стороны Финляндия предстает как зазеркалье. Сколь характерен для нашего Серебряного века ее культ! Молодой Василий Кандинский едет изучать зырян. В путь он берет «Калевалу». Ему открывается мир, который воспринимается с восторгом и трепетом: это «какая-то другая планета» (с. 15). *Другое, иное!* Снова работает алгоритм остранения. Чем задавалась эта *инаковость*?

Пусть ренессанс Финляндии пришелся на XIX век, но она уже давно чувствовала себя частью Запада – католицизм и протестантизм во многом предопределили ее менталитет. Мы вправе выразиться так: Финляндия стала для России как бы *внутренним* окном в Европу. В начале XX века Финляндия обнаружила особую чуткость к художественным изысканиям Запада. Свои импульсы она передавала России: «северный модерн» в Петербурге – своеобразная вестернизация.

Взгляд из Финляндии на Россию был тоже любопытствующим, но более настороженным.

Лишь в измерениях искусства это изначально заданное напряжение падало до минимума. Е. Г. Сойни рассказывает нам много нового о том, как по линии обратной связи русский авангард влиял на финский.

«Калевала» – вот где конвергируют две культуры! И это схождение проявляется не только в ее необыкновенно яркой художественной интерпретации финскими и русскими мастерами – встает и проблема происхождения эпоса: как-никак, а его корни тянутся к Русской Карелии. Мы должны помнить, что в Финляндии долгие годы имела значение непреложной парадигмы концепция К. Крона, утверждающая западные – чуть ли не варяжские – корни «Калевалы». Сегодня подобные взгляды вызывают глубокое недоумение. Поразительно, что русская культура в своем понимании «Калевалы» шла где-то дальше ее финских исследователей – наши поэты и художники оказались более прозорливыми по сравнению с гельсингфорскими профессорами. Материал для такого несколько неожиданного вывода дает исследование Е. Г. Сойни.

Василий Кандинский: очень вероятно, что он имеет мансийские корни! Не обские ли угры дольше всех родственных племен сохранили архетипы, нашедшие свое яркое раскрытие в «Калевале»? *Конда* у коми значит сосна. Предпринята попытка возвести к этому слову этимологию фамилии мастера. Мы говорим: *кондовый* лес. Восхищаемся Успенской церковью в *Кондопоге*. Корнеслов уводит нас в архаические глубины. Они были закрыты для К. Крона, не опускавшего хронологию «Калевалы» ниже Средневековья. Теперь мы знаем: ключи к пониманию многих образов «Калевалы» скорее даст финно-угорский Восток, а не германский Запад. Поражает глубинная тяга В. Кандинского к финно-угорским народам нашего Севера. Ориентиры в исканиях ему давала «Калевала». Е. Г. Сойни убедительно показывает: «Лодочник» В. В. Кандинского – не

кто иной, как Вяйнемейнен, покидающий Суоми. В параллель его работе приводится картина на аналогичную тему А. Галлен-Каллелы.

Другой пример адекватного раскрытия «Калевалы» Е. Г. Сойни находит в иллюстрациях к эпосу, выполненных учениками П. Н. Филонова – здесь ход ее мысли восхищает смелостью и точностью. Между мифопоэтическим мышлением «Калевалы» и аналитической школой Филонова имеются поразительные инварианты, которые не лежат на поверхности, но взгляд исследовательницы уходит в сущностную глубину. Ее выводы могут показаться неожиданными. Но они убеждают.

Е. Г. Сойни выявляет несомненное созвучье мировидения древних рунопевцев и художника-авангардиста П. Н. Филонова. Филоновский стиль конгениален и поэтике, и психологии «Калевалы». Надо считать чудом, что эти явления встретились – узнали себя друг в друге, оставили прекрасный памятник этого взаимоузнавания – иллюстрации филоновцев.

Майневайнен В. Хлебникова: это не описка – это интуитивное высвечивание и русской, и финской языковой подпочвы. Чем-то поэт-будетлянин напоминает великого Матиаса Кастрена: финский филолог ушел далеко на Восток – вплоть до Монголии – в поисках истоков своего народа. Евразийский дух чувствуется и в Матиасе Кастрене, и в В. Хлебникове: их роднит глобальная амплитуда исканий, ведущаяся через посредство слова.

Елена Гуро жила на Карельском перешейке. Ее «Финляндия» – как звуковое зеркало, поставленное перед финской речью. Музыка чужого языка – с характерными для него переливчатыми дифтонгами – схвачена очень точно.

Книга изобилует примерами подобного рода. Каждый из них бесценен: перед нами свидетельство того, что две культуры действительно порождали симбиоз – отраженное ассимилировалось, становилось своим.